18+

Михаил Александров

Мишкины подвиги

Деревенька моя

Михаил Александров

Мишкины подвиги. Деревенька моя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39412960
ISBN 9785449377180

Аннотация

Книжная серия «Мишкины подвиги» рассказывает об обычном, а возможно, и не совсем обычном мальчишке 60—70-х годов прошлого века. Так получилось, что детство разделилось на городское и деревенское. К тому же отсутствие родителей, непростой характер, иногда сложные жизненные обстоятельства, а иногда простое нежелание понять, что же от него все хотят.

Содержание

Книга 1 Деревенька 5
Деревенька моя 6
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Мишкины подвиги
Деревенька моя
Михаил Александров

© Михаил Александров, 2018
ISBN 978-5-4493-7718-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1 Деревенька

Читал рассказы Михаила Александрова и вспоминал себя в послевоенную пору. Всё было так же, как в рассказах Александрова: пастухи, почтальонка Шурка, киномеханик Валька, новые штаны – гордость мальчишки… Тяжелая жизнь, в которой писатель всё-таки находит и радости: кино в деревне, где экраном служит простыня, свежее парное молоко, окружающая природа, река, лес. И странно мальчишке ехать в город, в дом, в котором, оказывается, невозможно держать корову.

И всё у автора точно: и голод и холод, и недоверчивость деревенских жителей к новому человеку, и их же уважение к нему, когда они видят в нём собрата по общей жизни.

Рассказы правдивы, достоверны и, хотя они описывают не самые весёлые моменты деревенского быта, всё-таки вселяют надежду на то, что люди, способные выдержать такие испытания, непременно будут вознаграждены Господом. Если не в земной жизни, то в вечной.

Владимир. Крупин, русский писатель, публицист и педагог.

Деревенька моя
Деревня
Повесть
Предисловие

С родителями Мишке несказанно повезло. Было время, когда он этого не понимал, не понимал на столько, что мог затаить обиду, и пошла бы тогда его жизнь в другом направлении, скорее всего. Но обиды не случилось. Этому способствовали множество факторов, в первую очередь, наверное, незнание правды до поры, ну и возможно, какие-то индивидуальные черты характера.

Мишкин отец исчез ещё до его рождения, оставив мать и совсем маленького Мишкиного брата одних. Наверное не был готов к семейной жизни, или просто что-то пошло не так. Версий этого события было несколько, но ни одна из них Мишку не устроила, да и по большому счёту никогда не была интересна на столько, что бы выяснять причину и докапываться до истины.

Мать, оставшись одна, с ребёнком на руках, беременная, оказалась в положении очень не завидном. Плюс ко всему сильным человеком она не была, а опереться было не на кого. В общем, рождение второго ребёнка было не желанным и не желательным. Но природа, куда от неё убежишь, в ито-

ге Мишка всё равно родился. Правда не совсем во время, а проще говоря, недоношенным, и очень слабым. Слабым до того, что доктор, увидевший его первым, откровенно сказал: «Не жилец». Мать сделала правильный вывод, и решила Мишку оставить. Старшему ребёнку на тот момент было одиннадцать месяцев, прихватив его и немудрёные пожитки, она так же, как ранее отец, исчезла на просторах великой страны. Как могло быть по-другому, представить трудно. Но всё что не делается – делается к лучшему.

Ко всему, не смотря на мнение доктора, или вопреки этому самому мнению, или исключительно благодаря, тех же самых врачей, Мишка оказался «жилец»

Как сложилась бы дальнейшая его судьба не известно, но добрые люди всегда на протяжении жизни появлялись на Мишкином пути, направляя её, жизнь, в нужное русло.

Следующим таким человеком оказалась мать Мишкиного отца, бабушка Кира. Она как раз человеком была сильным, где-то властным. К тому же не могла допустить, что её внук, то есть Мишка, остался в таком положении. В общем, как и каким образом, она его забрала, точно не известно. Возможно сила характера, плюс депутатское положение помогли, возможно, это и не было так сложно.

Бабушка устроила внука в какую-то больницу, где выхаживают недоношенных, и Мишку выходили. Ввиду того, что оставить его себе она не могла, ответственная работа, общественная деятельность, решение было принято – отдать вну-

ка на воспитание и довыращивание другой бабушке, в деревню. Так у деревенских, Мишкиных бабушки и дедушки появился ещё один ребёнок. А у Мишки, в пятимесячном возрасте, появились мамка и папка. Кроме того у него появилось множество родственников, два прадедушки и две прабабушки, тётя и дядя, тогда ещё дети. И целая, хотя и маленькая, деревня других родственников. В том или ином ключе родственниками в деревне были практически все.

1.

На момент Мишкиного появления, в деревне, жизнь там проходила своим чередом. Во многом ещё патриархальная, в чём-то уже по новому, не как сто лет назад. Маленькая русская деревня, среди лесов и полей, в самом центре России, Тверская область (тогда Калининская). Таких деревень, наверное, сотни и тысячи, на необъятных просторах великой страны. Но Мишкина деревня всё-таки была уникальна (или ему так хотелось думать). Деревня имела свою историю, свои легенды, возможно в чём-то присочинённые, а возможно и нет. Эти легенды, или история деревни, передавались из уст в уста, записывать, конечно, никто не пытался, просто рассказы старших – младшим.

А так как Мишке посчастливилось, ввиду отсутствия каких либо альтернатив расти на попечении своих прадедов и прабабок, наслушался он таких историй и легенд, великое множество. Кроме того, старики любили собираться вечерами, вести неспешные беседы, которые Мишка впитывал сво-

им детским разумом, не отягощённым ни какими знаниями.

Беседы стариков не имели никакой системы, они просто разговаривали между собой, на совершенно разные темы, не обращая на Мишку зачастую никакого внимания. А он слушал. Очень любил слушать, рисуя в своей голове невероятные картинки. Иногда ему казалось, что всё это происходило буквально вчера, иногда, что это чуть ли не первобытный строй. Не умел он ещё тогда соизмерять время и события, стыковать какие-то исторические промежутки, просто слушал, запоминал.

Это уже потом, будучи достаточно взрослым, школьником, Мишка попытался разложить по временным полочкам, всё что услышал. Привязать события к времени, как то определить исторические моменты. А тогда, он просто слушал и впитывал.

А ещё позже, пришло понимание того, что деревня то была счастливая, в чём-то даже везучая. Ни какие исторические катаклизмы её практически не коснулись, как-то обходили стороной. Невероятно, наверное, но факт. Не войны, не революции, ни чего не оказало большого влияния на жизнь деревни. И маленькому Мишке, посчастливилось увидеть, пусть уже остатки, но всё-таки ещё того, патриархального деревенского уклада.

По преданиям основатель деревни был некто Василий. В незапамятные времена пришёл он, со своей семьёй, в этот лесной край, построил избу, расчистил землю, и начал жить.

Изначально это был хутор, и название ему дали по имени основателя – Васильев хутор.

Со временем, наверное, семья росла, хутор превратился в деревню, но название осталось – Васильево. Затем, то ли для красоты звучания, то ли для упрощения произношения, деревня превратилась в Василёво. Основная фамилия в деревне была, конечно же, Васильевы, хотя присутствовали и другие, и как правило все были между собой в родственной связи, кто в прямой, кто не в прямой. Но если начать копаться, то через три-четыре поколения общие корни находились обязательно.

Самая первая история, о том, что деревня была везучая и счастливая, относится к временам древнейшим. Рассказывалась эта история, или легенда, совершенно в своеобразном стиле, и к Василёву, в общем, не имела прямого отношения. Ни какие даты тоже не назывались.

Якобы, в давние – предавние времена шли татары на Русь, что бы угнать людей в рабство, а города и сёла разорить. Но русские князья собрали войско и дали татарам бой, в котором враг был разбит и бежал. Происходило это на границе Тверского и Ярославского княжества, то есть на меже. И всего в нескольких километрах от деревни. Битва произошла рядом с селом, название которому с тех времён дали – Шёлдомеж. Дошли татары до межи, и всё, дальше не пустили.

А заинтересовало Мишку в этом рассказе, то, что по преданию, княжескую и церковную золотую казну, запечатали

в бочки и бросили в реку Сить. В дальнейшем, когда русское войско одержало победу, бочки с золотом так и не нашли.

Когда Мишка подрос, эта история долго не давала ему покоя. Хотелось золото найти. Он с друзьями даже совершили пару поездок в село Шелдомеж, но искать золото не рискнули. А вот прочитал потом он об этом, ну и конечно о других исторических событиях много. Факт такой действительно имел место, и описывается в некоторых исторических документах. Но услышал Мишка эту историю от старых людей, которые собирались вечерами в доме прабабушки. Они даже читать не умели. Значит, жила эта история в людской молве, из поколения в поколение передавалась. Вот это да, семьсот лет люди помнили историю. Поразительно.

После того, как Мишка научился сопоставлять факты, истории и легенды, услышанные от стариков, перестали казаться сказками.

2.

Вторая деревенская легенда, которую Мишка слышал от стариков и запомнил, относится ко времени к нам более близкому. Произошла она примерно лет двести назад. Но легенда эта, или история, сыграла большую роль в жизни деревни, в плане везения. Услышана эта история была впервые от подруги и соседки Мишкиной прабабушки по прозвищу Матвееиха. Сколько было лет Матвеихе, неизвестно, но Мишкину восьмидесятилетнюю прабабушку она считала молодой. Часто в разговорах Матвеиха говорила прабабуш-

ке:

– Ты, Нюрка, этого не помнишь, маленькая ещё была.

Мишке всегда это слышать было странно и не понятно, они обе для него были древними старухами. Но Матвеиха всегда старалась подчеркнуть своё старшинство и жизненный опыт.

И так, легенда немного невероятная, официальных её подтверждений Мишке найти не удалось. Тем не менее – не верить в правдивость услышанного у него поводов тоже не было.

Когда-то деревня принадлежала барину, фамилию которого история не сохранила, но Матвеиха настаивала, что это один из братьев Орловых. Барин видимо был богат, имел не одну деревню. Жил он в Питере, там служил то ли в гвардии, то ли в гусарах. Участвовал в Отечественной войне, как говорили старухи «с хранцузами». И вот в скорости после войны, барин проиграл деревню в карты какому-то гусару. А что случилось дальше, весьма непонятно. По каким-то причинам новый хозяин во владение не вступил, может просто забыл о выигрыше, а может что случилось. Но с тех пор деревня осталась бесхозной. Никто не приезжал и не заявлял своих прав.

Мужики деревенские были сначала в растерянности. После нескольких лет безвластия снарядили в Питер посольство, узнать, что да как, и что делать дальше. Посольство вернулось ни с чем. Единственно, что удалось узнать, что дерев-

ня принадлежит другому барину.

Посудив и порядив, деревенский сход решил: «Землю барскую поделить, что бы, не пропадала. Всё четко записали, кому, сколько и чего отошло. На всякий случай решили, если барин появится, всё обратно вернуть и за использование отчитаться. Как ни странно, ни кто не появился. А деревня продолжала жить своей жизнью. Только после этого стала сильно богатеть. Народ был трудолюбивый, земли вволю, работай не ленись. Видимо не ленились.

Постепенно появились мельницы и толчеи, в ближайшем уездном городе выходцы из деревни открыли торговлю. Потом торговлю расширили до Рыбинска и Ярославля. А некоторые умудрились осесть и в самом Питере. Вот такое невероятное везение. Продолжалась эта счастливая эпоха более ста лет.

За время такого безвластия, в деревне сложилась своеобразная атмосфера. Не было зависти и жадности, все работали, как могли и жили по рассказам стариков, очень не плохо. Семьи были большие, дома хорошие, крепкие. Но деревня не разрасталась. Возможно, это было связано как раз с размером земельных угодий. Видимо имеющиеся в наличии десятины могли прокормить определённое количество населения, и происходило саморегулирование. Кто-то уходил в города, в купечество, в ремесленники. Кому-то семья выделяла средства на приобретение земли в других местах. Но больше тридцати домов в деревне никогда не было.

А от барина остались названия. Один из лесов, рядом с деревней называется Барский Угол. И пруд, у этого леса тоже назывался Барский пруд.

3.

Дальнейшую историю деревни Мишка слышал уже от очевидцев. И пусть это были всего на всего рассказы, но рассказы живых людей. Людей, которые пережили лично все эти события, которые видели всё происходящее своими глазами. Конечно, их рассказы в чём-то субъективны, отражают личные мнения и переживания, но они видели и помнили именно так. И именно так это рассказывали.

Зимними вечерами к прабабушке Анне приходили подруги-соседки. Как правило, с прялками, с корзиночкой шерсти, иногда кудели. Куделя – это волокна льна, которые нужно расчесать специальным устройством, так же как и шерсть, и прясть. Льняная нитка получалась тонкая и ровная, тоньше, чем шерстяная. Нитки сматывали с веретена в большие клубки и убирали. Пряли нитки разные по толщине, из толстых делали дратву, брали и натирали варом. Это такой кусок на подобии гудрона, получалась черная, очень прочная нить, использовалась для ремонта обуви, в основном валенок. Из тонкой нитки ткали полотно, раньше, наверное, всякое ткали, но при Мишке ткали только мешковину. Прадед приносил в дом ткацкий станок, он хранился на чердаке, и использовался не часто.

Мишке нравилось смотреть, как старухи пряли. Нитка бе-

жала нескончаемым ручейком, и ровными рядками наматывалась на веретено. Пучок кудели, или шерсти становился меньше, а веретено от нитки толще. Руки старух работали автономно, сами по себе. Они даже не смотрели на то, что прядут. Сидели и разговаривали, вспоминали. А руки работали. Приходили две, три, иногда больше прабабушкины подруги, зажигалась керосиновая лампа, в избе становилось уютно и спокойно. Мишка усаживался у печки, или на сундучёк, смотрел и слушал. Старухи всегда что ни будь рассказывали, не для Мишки, вообще не для кого. Просто что-то говорили, а он слушал, и смотрел, как бежит нитка, или как горит огонь в печи. Разговоры, как правило, были о былых временах, о том как жили раньше, до советов. О том, какие были вкусные баранки в лавке у Тихомировых, а Васильевы торговали лучшим сахаром. Сахар продавался головками, по полпуда. О том, что Абрамовы качали больше всех мёда и сад у них появился у первых, но это баловство. А вот рожь у них была всегда не очень, да и хозяйство по тем меркам так себе, всего пять коров, лошадь вообще одна.

Вот Кулик хозяйство вёл справно, несмотря на то, что мельник, со всеми делами управлялся. И земля у него была и скотины полный двор. Мать его, бабка Анисья до смерти всё в руках держала, самое крепкое, пожалуй, хозяйство в деревне. Кулик сидел тут же, это был Мишкин прадед, но в разговоры не встревал, скорее всего и не слышал, так как был сильно глуховат. А может просто не хотел влезать в стару-

шечьи разговоры. Потом вспоминали Афоньку Бодрова, которого бык забодал, но это уже при колхозе.

Ещё запомнилось Мишке рассуждение одной соседки по прозвищу Керсаниха, о политике, о мировой политике, но в масштабах деревни. Керсаниха рассуждала так:

– Все беды начались с японской. Помните, до японской в солдаты забрали одного Ваньку Абрамова. Так от этого деревне никакого убытку и не случилось. Про Ваньку и забыли все, до той поры пока он не вернулся, через двадцать годов, да взял в жёны Химку рябую, старую деву. А крестьянствовать так и не научился потом, хоть и в деревне вырос. Сад посадил, да пчёл завёл, разве это дело? С ружьём ещё баловался, за охотой всё ходил, срамота.

В деревне так и говорили, не «на охоту», а «за охотой». Дальше Керсаниха продолжала рассуждать:

– На японскую пятерых забрали, Васька Васильев сгинул, а Митрей Васильев без ноги пришёл. А уж как германская началась, почитай через одного подобрали, осиротили деревню. Мужиков не вернулось четверо, а кто вернулся израненный. Вон Кулик твой – обращалась Керсаниха к Мишкиной прабабке – в голову раненый пришёл, оглох. Хорошо руки-ноги целы. А уж как вторая германская, тут уж и совсем пропала деревня. Правда это опять уж при колхозах.

Про колхозы старухи говорить не любили. Эта тема, не то что вообще не обсуждалась, а как-то обрывочно. Вспомнит кто-то, какой-то эпизод, или случай и все надолго замолчат.

В дальнейшем, воспроизведя в своей голове отдельные реплики и краткие рассказы о становлении колхоза в деревне, сопоставляя различные факты, мнения, у Мишки сложилась ясная и полная картина, как это всё было. Об этом он больше узнавал от своих более молодых предков, бабушки, дедушки, их братьев, сестёр, и просто ровесников. Они были поколением первых колхозников. А поколение прадедов, всётаки были ещё настоящие до колхозные крестьяне.

4.

Деревня жила свободной крестьянской жизнью более ста лет. Серьёзно на её жизнь не повлияли никакие катаклизмы. Даже войны, в которые время от времени вступала Российская империя на укладе деревенской жизни сильно не отразились. В японскую, первую мировою и гражданскую потеряла деревня пять мужиков. Но за счёт того, что семьи были большие, хозяйства крепкие, народ работящий, значительных перемен не произошло. Революции, что февральская, что октябрьская, вообще как-то прошли незаметно, стороной. Их вроде и не заметили. Делить было не чего, давно всё поделено, налажено и упорядочено. Возможно по тому, что деревня была лесная, труднодоступная, возможно потому, что маленькая, ни о каких продразвёрстках, тем более голоде в деревне не ведали. По крайней мере, разговоров об этом не заходило.

Всё изменилось в двадцать девятом. Вернувшиеся с уездного базара мужики привезли новость – создают колхозы,

а зажиточных раскулачивают. Новость была из ряда вон. Раскулачивать в деревне нужно было всех до единого. Вернее одного с натяжкой можно было и оставить, да и то как сказать. Была в деревне одна семья, которая не вписывалась в общий деревенский достаток. Федька, Ульянин сын был немного не от мира сего. То ли умом не отличался, а может быть был ленив от природы, но что-то у него шло не так. Имел всего одну лошадку, корову, да овец десяток. По деревенским меркам бедняк. Зато было у Федьки одиннадцать детей, все практически погодки, девять старших девки, и два совсем маленьких паренька. Семье помогали всей деревней, подкармливали, одёжку отдавали. Девок старших в няньки брали, за харчи, но семье помощь, кормить не надо, ещё что и младшим принесут.

Новость о колхозах и раскулачивании, так взбудоражила деревню, что сельский сход не прекращался несколько дней. Мнения высказывались различные, от не обдуманых – уйти в леса, до мало-мальски приемлимых – перерезать скотину, мясо, инвентарь, семена и всё что можно продать, и податься в города. Но все мнения отвергались, как не состоятельные. Уйти в леса, так толку что, с начала всё начинать? Да и в лес новая власть придёт, рано или поздно, не спрячешься. Перерезать скотину среди лета, для крестьян вообще понятие абсурдное. Хозяйская жилка крепко сидела в мужиках.

Но, на то и была деревня счастливой, что решение нашлось. Кто первый предложил, или это придумал коллектив-

ный разум, не известно. Наверное, это, хотя и невероятное, но единственно правильное решение на то время мужики придумали сообща. Они сами решили создать колхоз. Не дожидаясь ни каких уполномоченных, агитаторов, тем более раскулачивания, взяли и создали. Председателем был назначен Федька Ульянин, как самый пролетарский крестьянин.

Но без мелких непониманий и неприятия новшества, конечно, не обошлось. Например, бабка Анисья, мать Кулика, встала у ворот с топором:

– Не подходи Михайло, голову отрублю, а скотину не отдам.

– Мама, надо отдать, иначе отберут, а нас раскулачат, на Север сошлют.

– Кто отберёт, это моя скотина, ни кому не отдам. – Не понимала Анисья.

Михайло Кулик перед матерью на колени вставал, упрашивал, уговаривал – не помогало. Через три дня, ночью скотину на общий двор всё-таки увёл. Бабка Анисья обиделась на всю жизнь. В колхозе не работала принципиально, сказавшись хворой. Только по дому занималась, да пряла-ткала.

Мишка многое в этих рассказах не понимал, как можно было вообще жить без колхозов? Для него колхозы были всегда, как без них. Поля колхозные, фермы тоже. Даже пруд за деревней, и тот колхозный. А на работу куда ходят? Понятно – в колхоз, а потом получают зерно, солому, на трудодни и проценты. Не понятно, чего бабка Анисья в колхоз

не хотела?

Только потом, по прошествии многих лет, всё встало на свои места, стало понятно, что же тогда произошло. Что тогда, на заре создания колхозов, деревенские мужики приняли правильное решение. Это до какой же степени оказался мудрым народ. Это как можно было придумать такое, разрушить, поломать многовековой уклад. Причём добровольно, самим. Невероятный ход. И этим ходом была спасена деревня, люди, жизни. Даже скот в какой-то мере сохранили. Просто всё было обобщено, коровы согнаны на одни дворы, лошади, овцы, козы на другие. Общее всё. Но и через много лет, в шестидесятых в деревне помнили свою скотину. Например, конь Чижик был Абрамовых, хотя колхозный, конечно. Но он был потомком, в третьем поколении, того коня, которого Абрамовы отвели на колхозный двор. Доярки знали своих коров, и в группу старались заполучить именно своих.

Кулик остался мельником при своей же бывшей мельнице и работал до старости, пока мельницы не убрали за ненадобностью.

В общем деревне в очередной раз повезло. Никого не раскулачили, не угнали. Федька Ульянин правил колхозом почти до самой войны, в сороковом произошло укрупнение, и деревня влилась в больший колхоз, на основе бригады. А от старых времён остались названия: «Яшкино поле, Куликовы луга, Бодров пруд, Васильев выгон, Ванькин сад».

5.

Наверное, всему определено своё время, время жизни. Деревням, как живому организму, это время тоже определено. Какие факторы влияют на продолжение времени жизни, да кто же его знает, но что-то есть. Приходит период угасания, а потом и полного прекращения цикла. Несмотря на многовековую историю, на длительный путь на определённом историческом отрезке, такое время пришло и для Мишкиной деревни. Он как раз и был свидетелем этого угасания, а потом и прекращения жизни до полного исчезновения.

Мишке посчастливилось видеть остатки, вернее осколки, того старого устоя, традиций. Ему посчастливилось видеть людей, и жить среди них, которые помнили уже позапрошлый век, которые рассказывали об этом так, как будто это было вчера. Это была их жизнь, для них это и было вчера. От этого их рассказы были живые и красочные, они делились своими воспоминаниями, сами с собой, им не надо было ничего объяснять друг другу, все и так понимали о чём речь.

Видимо, деревня не пережила коллективизацию. Именно с наступлением нового времени потерялся старый уклад жизни. Войны конечно имели свой отрицательный момент, деревня теряла трудоспособных мужиков. Но как не странно, людской ресурс пополнялся в полном объёме. Даже Великая Отечественная, когда не вернулось половина мужского населения, а вернувшиеся в большинстве были инвали-

ды, не убила деревню. Она выжила. Трудно, с напрягом, возможно из последних сил, но выжила деревня. И детей нарожала, и домов не убавилось, и хозяйства сохранились. А потом начался массовый отток молодёжи. Да такой массовый, что из деревни уехали все. Из послевоенных детей в деревне не остался никто, ни один человек. Деревня начала стремительно стареть. Последним ребёнком, да и то, случайным, рожденным в городе, был Мишка. На каникулы конечно детей собиралось много, к бабушкам-дедушкам, но постоянно проживающих молодых семей не было, детей конечно тоже.

Однажды, будучи уже школьником, работая на заготовке колхозного сена, был Мишка свидетелем и даже участником разговора на тему колхозов и деревни в частности. В то время ещё было принято работать, причём не зависимо от статуса и возраста. Работа находилась всем. Детям, в том числе и питерякам (как называли в деревне всех приехавших на каникулы или в отпуск с города, не зависимо с какого, питеряк и всё), пенсионерам, давно перешагнувшим пенсионный возраст. Конечно, палкой не гнали, но отказываться было не принято. Все понимали, горячая пора сенокоса. Ну и плюс какие-то деньги за работу платили. А главное, так называемые проценты. На каждый отработанный день, осенью или в конце года начислялся процент. Выдавался этот процент натурой: клевером, зерном, соломой. В общем, тем, что производил колхоз. Личные хозяйства были у всех, корма конечно ценились. На такие работы ходили все, бабушки

отправляли своих внуков – питеряков, и шли на посильную работу сами.

Мишке было лет десять-одиннадцать, таких как он направляли топтать сено в сараях. Закидывали сено в сарай старики – пенсионеры, а дети растаскивали, укладывали, топтали, кувыркались. В общем, работа не трудная, но пыльная, зато потом с каким удовольствием купаться.

Сено к сараю подвозили на лошадях, старики помоложе. Телега ставилась у ворот, коня разворачивали на девяносто градусов к телеге, под телегу подлазил возчик, и напрягшись, спиной переворачивал воз, вместе с телегой. Затем конь трогал, телега вставала на место, ехали за новым возом. Вот так просто.

Дальше начиналась работа, сено кидали в сарай и укладывали. Между возами у бригады был перекур, иногда длинный, в зависимости от расстояния перевозки. Во время перекуров детско-пенсионная группа рассаживалась на траве и болтала. Старики, а на такую работу направляли кому лет уже за семьдесят, были ровесники века, а то и старше, и дети, юные пионеры, воспитанные на идеалах Павлика Морозова. Поэтому мнения были зачастую весьма противоположные. Пионеры, конечно, спорили по мере сил, отстаивали своё передовое мировоззрение, но со стариками очень-то не поспоришь, можно и навильником схлопотать, поперёк хребта.

Безрукий дед Митрий, который раньше был бригадиром, а после выхода на пенсию стал простым колхозником, рабо-

тал как все пенсионеры на лёгких работах. С вилами управлялся мастерски, не смотря, что руки нет. А вот характер имел, весьма зловредный.

Например, когда сена много, возы едут один за другим, старики выпускали детей передохнуть, пыльно всё таки, жалели. Но если был дед Митрий, ни за что не выпустит, пока всё сено не закидают. К тому же любил позадирать питеряков. Мишке-то не доставалось, он вроде как деревенский, а питеряков задирал. Вот пристанет:

– Вовка, кем будешь когда вырастешь? А машинистом, понятно. А ты Юрка кем? Моряком, тоже хорошо. А вот скажите мне моряки-лётчики, что вы будете жрать? Кто вам будет хлебушек растить, молоко доить, да мясо откармливать? – В общем одно слово, зловредный дед.

Как-то во время перекура завёл дед Митрий разговор со стариками:

– Вот скоро умрём мы, мужики. И что после нас? Деревня понятно тоже умрёт, нету молодёжи. Но думаю я, что и колхозов не будет, распадутся колхозы. А может, не будет и страны. Ведь мы последнее поколение, которое помнит, как работать надо. Когда сеять, когда косить, а когда лён теребить. Вот агроном колхозный, ведь дурак дураком, хоть и техникум закончил. Я ему давеча, рано, мол, сеять на Заполке, мокро, а он сеять, сроки, план. Вот и вымокло семя, и что с таким агрономом наработают? А ведь после нас они все так сеять будут.

Старики молчали, задумавшись, а Митрий продолжал:

– Коров взялись выгонять, когда уж солнце высоко, часов в семь. Да разве можно так? К этому времени корова уж сытая должна быть, нажраться должна, пока оводов нет. Какое же они молоко надоят, сколько? В прошлом году поле льна под снег ушло. Да если бы я такое допустил, когда был бригадиром, утопиться надо, всё равно расстреляли бы, а тут хоть бы что. Нет, развалятся после нас колхозы, а может и страна.

6.

Первое, что Мишка самостоятельно запомнил в своей жизни – это весна. Именно весна. Мамка намыла и открыла окна, и дом наполнился запахом смородины. Запах смородины, когда набухают почки, появляются первые, ещё маленькие листочки, и запах распространяется на всю округу. Такое отрывочное вспоминание детства осталось навсегда. Все дальнейшие воспоминания уже про «потом». Как обрывки кино, иногда эпизодами, иногда просто картинками. Детская память выборочна, выхватывает яркие эпизоды и они, как штамп, как печать, остаются в памяти навсегда, на всю жизнь.

«Мишка бежит по улице, а за ним бежит луна, он бежит быстрее, луна тоже быстрее, от этого почему-то страшно».

«Папка разрешил напоить коня Чижика на пруду, Мишка едет верхом, сам один, Чижик наклоняется и начинает пить, Мишка как с горки съезжает по его шее и падает в воду, Чи-

жик со страху шарахается и бежит к дому, но Мишка крепко держится за повод и волочится за ним до своего двора».

«Впервые Мишка сам идёт в лес, конечно, ни кому не сказав. В лесу интересно, а главное Мишка независимый и взрослый. На поляне он долго ловит лягушку, но она всё время убегает, устав от такой охоты засыпает под ёлкой. Просыпается уже ночью, от холода и понимает, что домой ему больше не попасть и придётся жить в лесу. Страха нет совершенно, мечтает, как будет строить берлогу, почему-то именно берлогу, и засыпает вновь. Искали Мишку всей деревней, и нашли под утро, пожить в берлоге не получилось».

Чем старше становился Мишка, тем продолжительнее, ярче и образнее становились отрывки из детства, практически серии фильма. Одна из таких серий – это свет. К тому же это была историческая веха в жизни деревни, обойти которую нельзя. Перед тем, как появился свет, в деревне никогда не говорили электричество, а именно «свет» было много разговоров на эту тему. Взрослые конечно знали, что такое свет, потому как электричество было во всех соседних деревнях, и только маленькую деревню это благо цивилизации обходило стороной. Но Мишка то не знал, что такое свет, поэтому всех замучил вопросами. В его понимании свет давала керосиновая лампа, их в доме было несколько, различных по размеру и яркости. Самая яркая висела под потолком, над столом. Она зажигалась, например, когда приходили гости и нужно что б было светло на весь дом. Другая висела на сте-

не, была менее мощная, имела круглый отражатель и светила в основном на стол, каждодневно ею и пользовались. Ещё такая же лампа была на кухне, и зажигалась по мере надобности. Так же было несколько фонарей, с которыми ходили кормить скотину, в сарай за сеном, или когда шли в темноте куда-то далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.